

Лекции Ф.В.Й. Шеллинга, прочитанные в летнем семестре 1801 г. (конспект И.П.В. Трокслера)

Основные моменты из Шеллинговских лекций, записанные после занятий.

Часть 1

Введение в философию тождества и её обоснование

Час первый

Каждый духовно созревший человек философствует. Обыденный рассудок рассматривает предметы лишь через призму понятий рефлексии, собственно же философский рассудок (*der philosophischer Verstand*) – непосредственно сами по себе. Понятия рефлексии не могут обеспечить очевидность, которую мы обретаем лишь благодаря философскому рассудку, ибо обыденный рассудок ограничен именно тем, что не сознаёт своей рефлексии. Поскольку философский рассудок возвышается над рефлексией, он обеспечивает достоверность. Кто не в состоянии подняться и встать на его точку зрения, тому такое познание необходимо должно показаться эксцентричным. Особенно трудно это должно быть тем, кто уже поставил своему рассудку определённые границы и предписал ему формы оперирования. Это сделали формальные логики. Что они выиграли? Ничего! Между реальностью и созерцанием разверзлась непреодолимая пропасть, ибо то, что объективно совершенно ложно, может быть совершенно корректно помыслено логически. Ошибка прежней философии заключается в следующем: она желала сделать основанием всякого знания формальную логику, исходящую лишь из опыта (*Empirie*), который учил нас, что вывод¹ не может состоять более чем из трёх членов. Значит, мы должны вернуться к старейшей первоначальной философии². Ей такое разделение неизвестно, и она исходит из пункта единства явления и вещи-в-себе. Этой философии не чужд никакой

¹ Речь идёт о силлогизме – Прим. перев.

² Вероятно, речь идёт о Гераклите или Пармениде – *Прим. издат.*

предмет знания. Никакая наука без неё невозможна, все прочие науки выводятся и должны выводиться и обосновываться ею, так как в противном случае они были бы лишь беспорядочными конгломератами, стремящимися навстречу друг другу. Итак, если вопрос о пользе науки уже абсурден сам по себе, то сомнение в пользе науки всех наук тем более абсурдно.

Час второй

Все философы, заслуживающие этого имени, согласны относительно сущности и цели философии (хотя и выражаются они по-разному, но смысл один), даже скептик своим сомнением соглашается с ними. Отрицая истинность прочих систем, он тем самым утверждает собственную философию. Но скептик, сомневающийся в том, сомневается ли он, превращает себя в неразумную скотину, т. к. отказывается от разума. Основание этого, по большей части, заключается в страхе перед истиной и намерении держаться подальше от всякой философии. Может существовать только одна-единственная философия, как и одна-единственная не порождаемая индивидами, но развиваемая истина. Конечно, она может являться в различных конфигурациях и формах. Следовательно, дело философии состоит не в порождении истины, а в устранении препятствий, мешающих её развитию, а значит, в предохранении здравого рассудка от заблуждений.

Источники, из которых происходят наши науки, основаны на двух родах познания: т. наз. учёном и обыденном. Обыденный, в свою очередь, также распадается на два вида: один основан на авторитете, а второй – на наблюдении. На авторитете строилось историческое знание, а на наблюдении – знание, касающееся природы. Авторитет уже давно признан недостоверным источником, так как он – лишь принятие на веру. Наблюдение идёт от выводов из следствия к причине и наоборот (этим средством часто пользуется и история, например, о переселении народов и крестовых походах судят, исходя из нынешнего состояния Земли и её обитателей и т. д.) Эмпирический физик экспериментирует, тщательно наблюдает следствие и затем полагает причину, сообразную свойствам следствия. Если же привлекаются другие явления, то они снова сводятся к подобному основанию или же к такому, которое часто получает атрибуты, подводящие его под явления. Таков был базис нашей прежней физики! Всё вращалось от причины к следствию и от следствия к причине, и так возник ложный круг. Ни всеобщности, ни достоверности не было, ибо

1) следствие часто воспринимается несовершенным образом, как бы всесторонне оно ни созерцалось наблюдателем;

2) если даже следствие познано в совершенстве, причина тем самым ещё не познаётся. Мы ведь не можем знать, насколько она действительна. *Бытие* причины мы исследуем только сообразно её *действиям*.

В соответствии с этим имеющиеся у нас теории суть лишь то, что Гёте говорит о Бардте³: «если бы я был Христом, я говорил бы так». Это же может быть обращено к нашим физикам: если бы мы были природой, мы сделали бы это явление вот таким. Опоры учения о природе так шатки!

Но задаются ли люди вопросом о лучшем обосновании? Этот вопрос, кажется, можно разрешить с помощью другого: не существует ли науки, положения которой очевидны? Никто ещё не сомневался в очевидности положений геометрии. Как же она бралась за достижение достоверности и завершённости? Она не спрашивала о каузальном отношении, о том, почему её объекты таковы, а задавалась лишь вопросом о том, каковы они. Геометрия пыталась аподиктически доказывать и смогла это. Так же должна действовать и философия. Геометрия предпосылает бытие и пространство как нечто абсолютное. Философия тоже должна двигаться к Бытию, к Абсолютному, осуществляя поиск переменчивого в вечном и преходящего в непреходящем. Следовательно, в принятии Абсолютного философия едина с геометрией, а различие их в том, что философия принимает Абсолютное само по себе, которое в геометрии репрезентируется пространством.

Час третий

Философия может допускать лишь один предмет познания. Её задача – найти во всём Абсолютное и, таким образом, она заслуживает названия науки об Абсолютном. Её взгляды на вещи, сообразно их сущности, нельзя именовать априорными или эмпирическими, ибо эмпирические предметы также могут быть рассмотрены априори, и познавать их истинную сущность нам необходимо лишь исходя из

³ Шеллинг имеет в виду гётевскую сатиру на переложение Нового Завета лютеранским теологом К.Ф. Бардтом, которая называется «Пролог к новейшим божественным откровениям, переведённый на немецкий язык К.Ф. Бардтом» (1774). Цитируемую фразу говорит сам Бардт в качестве героя сатиры. – Прим. перев.

такого рассмотрения. Ни идеализм, ни реализм по отдельности не являются истинной философией. Чтобы найти её, мы должны исходить из пункта их единства, который, однако, находится за пределами сознания, поскольку последнее существует лишь благодаря противоположности Я и внешних вещей (Außendinge). В сознании никак невозможно полагать одно без другого. Мы обнаруживаем, что *бытие* и *мышление* необходимо разделены в сознании.

Но свыше этой точки зрения *бытие* и *мышление* совпадают в Абсолютном. Если мы представим эти пункты различия крайними точками эллипса, то при их совпадении мы достигнем центральной точки. Значит, задача идеализма состоит в дедуцировании бытия исходя из интеллигенции и достижении таким образом Абсолютного. Задача реализма же – обратная дедукция. Так реализм и идеализм становятся единой и единственной философией. Реализм Шеллинг претворяет в жизнь в своей натурфилософии, а идеализм – в трансцендентальной философии. Бог и природа суть будто два полюса науки (единственной философии), которые, однако, сами по себе и в неразделённом виде составляют Всё. В единичном эта философия учит нас находить Всё, во временности – вечность, и только в единстве они составляют Абсолютное. (Ещё кое-что о шеллинговском методе). Истина и красота – то, к чему мы должны стремиться с помощью познания и искусства!

Час четвёртый

Философию определяли как познание не только явлений, но и вещей-в-себе, и полагали, что её принцип должен быть таким, из которого можно вывести разнообразнейшие предметы. Только познание вовсе не различается по своему предмету, в этом отношении оно всегда одно и то же. Различаться оно может только по форме. Непосредственное абсолютное познание – познание философское. Принцип философии также не является тем, из чего может выводиться множественное, напротив, он есть Всё, Абсолютное, само Бесконечное и абсолютное тождество. В рефлексии последнее распадается на Я и не-Я, и лишь там возникает множественное. Тождество это присутствует уже и в так называемом обыденном человеческом рассудке. Если у него ещё нет никакой идеи относительно философии, дух и материя для него едины. Разделёнными они выступают только в развитии мышлении.

Подлинно спекулятивно философствовать можно и не зная принципа, это доказывает Якоби. Философия может выступать в различных формах, Шеллинг же стремится изложить её в первоначальной форме. Пока что у нас был преимущественно эмпиризм. Поскольку греческие скептики подвели к тому, что вещи сами по себе (так называли внешние объекты) не соответствуют явлениям, а вводят в оптическое, акустическое и т. д. заблуждение, внутренняя сущность была отделена от иллюзии и т. д., и обман был объяснён физиологически и психологически, а это – очевидная эмпирия. Возник дуализм, так как философы поднимались от единичного и, наконец, с помощью абстракции достигли формы и материи. Но здесь есть вечная пропасть, которую, например, кантианство никогда не преодолет. Рейнгольд действительно не идёт дальше, в его чистом сознании эти две противоположности представлены не менее, чем в его способности представления. Ближе к решению подошёл Декарт. Своим выводом *cogito ergo sum* он противопоставил себя внешней природе. Он заблуждался, так как вместо того, чтобы полагать мышление в качестве абсолютно-го тождества, он озирался в поисках связующего средства в Боге, которого он, таким образом, сделал лишь чем-то акцидентальным. Вместо того, чтобы аналитически вывести из единого высшего Абсолютного два положения – *мышление* и *бытие*, – он связывает их с помощью третьего подчинённого. Это совершилось по закону причинности, который может, вероятно, считаться высшим принципом эмпирии, но не философии.

Час пятый

Принцип философии должен быть всеохватывающим и всеобъемлющим, таким, вне которого ничего нет, а таково только абсолютное тождество мышления и бытия. Значит, чистый разум Рейнгольда таковым считаться не может, поскольку ему всё ещё что-то противопоставляется. Высшим основоположением может быть лишь $A=A$. Но здесь я не противопоставляю форму материи, а полагаю их в единстве. Материя или бытие – это не обусловленное, а Абсолютное, всеобщее. Я не могу сказать о нём, что оно есть, так как «есть» имеет значение только относительно одной части, одного модуса, полагаемого мной в это бытие, которое, следовательно, тождественно познанию (*Erkennen*). Чистое познание также не существует без всеобщего бытия, возникая лишь в нём и с ним. Отсюда выясняется, почему истинная или, скорее, единственная философия, может существовать в

нескольких формах: идеализм, реализм, интеллектуализм и материализм. Шеллинг стремится отыскать пункт безразличия⁴ этих четырёх различных мировоззрений, которые – несмотря на то, что, казалось бы, противоречат друг другу – всё же сходятся воедино. Он говорит, что эти мировоззрения составляют будто бы четыре земных полюса, из которых они действительно и изошли: материализм – с запада, интеллектуализм – с востока, реализм – с юга, а идеализм – с севера.

Однако, нужно различать материализм, восходящий ко всеобщему бытию и к обусловленному. Для последнего вся природа – лишь механизм, гостиная с утварью. Такой материализм от одного обусловленного бытия идёт к другому, и так до бесконечности. Натурфилософия здесь – пустое название, так как всякое движение основывается лишь на толчке, и одно движение предполагает другое. Никакое движение не возникает из неподвижного бытия, в живой же природе – всё эволюция! Атомистика – первое порождение натурфилософии, предполагающее разложимость материи. Но материя так же не разложима, как и язык. Конечно, язык можно разять на 24 элемента, но кто сложит разумную речь из этих перемешанных частей? Материя лишь делима, но не на бесконечно малые частицы, как желает атомист, а просто до бесконечности. Как атомист приходит к понятию атома? 1. Посредством опыта, но предоставил ли ему когда-нибудь опыт атомы? И всё же атомист полагает бесконечно малые частицы, что спекулятивно не завершено. Что и по какому праву принуждает его остановиться? Не действует ли он вопреки разуму, безосновательно прекращая развивать эту идею? 2. Если атомист принимает существование бесконечно малых частиц, то, поскольку он не мыслит их делимыми далее, он должен приписать им и абсолютные качества, например, твёрдость, плотность. Но это – противоречие, ибо всякая материя полностью подобна себе.

Положение $A=A$ выражает Абсолютное одновременным полаганием безразличия и различия. Его следует отличать от положения, в котором безразличие противопоставлено различию, как в фихтевском $Я=Я$. В последнем, как явствует из второго и третьего оснований его наукоучения, не содержится различия. Так обстояли дела у более ранних философов, мысливших бесконечное с исключением конечного. Первое необходимо заключает в себе и второе, и

⁴ Термин *Indifferenz*, безразличие, означает у Шеллинга неразличенность противоположностей во всеединстве. – Прим. перев.

лишь оба вместе составляют Абсолютное. Это Абсолютное не может, как того желает Фихте, посредством долженствования (Soll) быть представленным на пути рефлексии или синтеза. Оно должно полагаться в качестве первоначального и только лишь анализироваться. В таком Абсолютном должны быть тождество и нетождество. Формулой же $A=A$ должно быть высказано, что мышление и бытие различны и одновременно едины. Закон противоречия, возникающий лишь в отрефлексированном сознании, здесь не работает. Это положение ($A=A$ как объединение тождества и нетождества – *Прим. изд.*), именно потому, что оно первично и безусловно, не предполагает доказательства и может только постигаться (begriffen werden). Поскольку без субъекта и объекта нет сознания, а субъект и объект друг без друга не существуют, в себе они едины.

Час шестой

Спекулятивный материализм, во-первых, должен полагать материю чисто, не в её модусах, во-вторых, не полагать ничего, кроме материи, а в-третьих, мыслить материю как основание всякой деятельности. Этот подлинно философский взгляд не знает никакой противоположности, принцип абсолютен и единственен, так как мышление необходимо связано с бытием (в разделённом виде они являются лишь обыденному сознанию). Значит, эта система полностью отлична от эмпирии, исходящей из единичного, вопрошающей о причине и признающей её явление, и так, не достигнув цели, увлекаемой неоконченной цепочкой в бесконечность.

Материя есть всеобщность и вечность; вне универсума не существует никакого другого бытия, всё – лишь в нём. Нельзя, подобно Ньютону и Декарту, призывать на помощь божественное всемогущество, чтобы объяснить деятельность, обнаруживаемую во Вселенной. Деятельность эта также не может быть Абсолютным, или, если она принимается за таковое, то она может быть только тождественной бытию. Но это, на первый взгляд, противоречиво, поскольку бытие или покой (механическое выражение) исключают деятельность! Спекулятивный материалист не считает, что всё мироздание (das Ganze) деятельно, т. к. вовне его нет ни пространства, ни времени (они суть только в нём). Пространство и время же являются условиями всякой деятельности, ибо деятельность материи требует её исхождения из себя самой.

Обычный материалист, идущий от движения к движению, наконец, достигает внешней вещи как источника движения и, таким образом, разрушает необходимое единство принципа.

Спекулятивный же материалист принимает лишь относительное движение единичного, будто бы прорастающее в недвижной почве бытия. Это – стремление единичного к абсолютному бытию; то, что в физическом мире является силой тяжести, притягивающей всё к центральной точке. Стремление к абсолютному бытию – основа движения, жизни и всякого духовного явления. Материя и форма совершенно едины. Можно сказать, что природа, вне которой ничего нет, есть совершеннейшая геометрия. Её законы – те же, что и законы движения небесных тел. Всякая кристаллизация определённо связана с материей. Всякое видение и мышление суть лишь видение и мышление самое себя, т. к. всё есть одно. Если бы единичный индивид, который, смотря на другое единичное, видит теперь только движение и изменение, видит только образ материи (поскольку каждый миг она скрывается от него), мог одним взглядом обозреть Вселенную, он увидел бы бытие и покой. Ничто там не возникает и не исчезает, кажется, это свойственно лишь единичному. Не существует ничего самого по себе различного, дух и тело, так сказать, срослись воедино. Посредством, например, света, осуществляется переход из одного в другое и возвращение к самому себе – в тождество.

Таким образом, материалист спекулятивен и последователен. Его отличие от интеллектуалиста лишь иллюзорно: интеллектуализм – то же самое, но в другой форме. Создали его Платон и Лейбниц. Последний был крайне превратно понят, возможно, по собственной вине. Поскольку Лейбниц не связывал философский характер с философским духом и желал быть популярным, его «Теодицея» затмила более значимые произведения, которые забывались и оказывались превратно понятыми. Вольф был хорошим аналитиком, но это было его единственной философской заслугой. Среди новейших философов Лейбница лучше всех понял Якоби⁵.

Час седьмой

В своей философии Лейбниц исходит из следующего основоположения: всякая истина есть замкнутый для себя мир. Кажется, что это основоположение противоречит шеллинговскому, однако же, они

⁵ См. *Jacobi F.H. Ueber die Lehre des Spinoza in Briefen an den Herrn Moses Mendelssohn*. Breslau, G.Löwe, 1789, S. 361–397 – Прим. перев.

полностью согласуются: всякая истина представляет Абсолютное, она – его верный образ, вне которого не существует ничего различного. Лейбницевский универсум делим до бесконечности или, скорее, как это мыслил Платон, способен к бесконечному разделению⁶. Благодаря этому возникает принятая Лейбницем индивидуальность. Её, однако, нельзя путать с единичностью, поэтому Лейбниц и избрал для её обозначения термин «монада». Монады бесконечны. Всё индивидуально рассматриваемое, по Лейбницу, есть монада, а не только духи или атомы, как истолковывали некоторые. Каждая монада в основании равна себе. Она является частью того же самого Целного и Единственного. Лучше сказать, что монада есть сам универсум. Душа, тело и всякий орган, как и всякая вещь в неживой природе является для себя существующей монадой, не могущей оказывать действие на другие. Каждая монада для себя есть одновременно представляющее и представленное, вне её для неё нет ничего созерцаемого. Для себя она – действительность и иллюзия, но то, как она себе является, зависит от её развития. В соответствии с этим можно мыслить неживую природу как находящуюся в спящем состоянии, органическую – в грезящем, а духовную – в бодрствующем. Всё, что кажется находящимся вовне, происходит в этих состояниях. Их предустановленная гармония (в представлениях) основывается на том, что в Абсолютом, в Боге, они суть одно.

Этот интеллектуализм отличается от идеализма лишь тем, что последний относится к более высокой потенции: в яйности форма и сущность разом выражены в их абсолютном тождестве, так как именно Я созерцает лишь самого себя и всё в самом себе, признавая всё тождественным себе. В интеллектуализме же, наоборот, монада абсолютно постулирует материю и порождает её из себя.

Час восьмой

Собственно говоря, реализм является материализмом, стоящим на более высокой теоретической позиции. Кажется, что он противопоставлен идеализму, но в своём завершении он полностью гармонирует с ним. Только под реализмом нельзя понимать реализм, являющийся продуктом рефлексии. Спиноза, как явствует из ответа Якоби на вопрос Лессинга, исходил из древнего положения: «Из ничего ничто не происходит» (*ex nihilo nihil fit*). Однако, оно вовсе не синонимично

⁶ Судя по всему, Шеллинг подразумевает платоновский диайресис – учение о родо-видовом разделении понятий. – Прим. перев.

закону причинности, – высшему закону рефлексии, имеющему силу только в отношении единичных вещей. Он выражает лишь необходимость полагания. Спиноза воспринимал свою абсолютную субстанцию как то, что одновременно было бы и причиной, и следствием. В своей основе абсолютная субстанция полностью тождественна абсолютному тождеству. Она обладает познанием и бытием, она – бесконечность, ибо в ней заключено всё, а вне её нет ничего. Данная философия полагает лишь один фактор тождества – бытие, – но, делая это, в то же время она необходимо принимает и познание в тождестве. Однако задавался вопрос: как Спиноза желает найти переход от абсолютной субстанции и бесконечного к конечному? Здесь о переходе не может идти и речи, потому что бесконечное заключает в себя и конечное, а кроме субстанции, ничего нет. Но так как эту субстанцию разложили на два фактора, и модусами первого в конечном мире считали рассудок и волю, а второго – покой и движение, то исследовался вопрос о том, как они могут возникать?⁷ Это всё же есть в системе Спинозы (хотя прямой ответ и не дан), т. к. в его субстанции представлено неразделимое единство всех факторов и модусов от вечности и навек. Модусы имеют место только в индивидуальности. Поскольку познание разделяется на понятия и созерцание, понятия бесконечны, а созерцание – конечно, как, например, понятие растения и его созерцание: первое охватывает бесконечное количество растений, а последнее – одно-единственное.

Движение и покой существуют лишь для единичного и являются лишь континуацией Абсолютного, всегда остающегося бытием. Так, лейбницевские монады суть излучения Бога. Характер спинозовской философии преимущественно таков, что Спиноза полагает абсолютную субстанцию в качестве принципа. Его философия, выражающая с помощью бытия абсолютное тождество, есть несколько односторонний образ единственно истинной философии. Причина же этого – в языке, который является продуктом рефлексии и, следовательно, может обозначить лишь один фактор, не исключая, однако, и помысливания другого.

Час девятый

Идеализм, как кажется, является противоположным полюсом реализма. Его принцип, как и принцип реализма, сам по себе один – Абсолютное. Выражается оно атрибутом деятельности. Знание пола-

⁷ Намёк на критику Спинозы со стороны Ф.Г. Якоби. – *Прим. издат.*

гается в нём как основание, а бытие – вместе со знанием и его посредством. Значит, и здесь форма и материя первоначально едины – абсолютное тождество. Фихте достигает этого с помощью интеллектуального созерцания его Я. В нём Я является в качестве субъекта, представляющего, а также в качестве объекта и представленного. Субъект и объект тождественны, а значит, Я=Я. Объединяет эти разделённые в рефлексии два фактора чистый разум, само Я. Но поскольку Фихте действует синтетически, его абсолютное тождество всегда остаётся лишь востребуемым, что явствует из его наукоучения, в котором постулируется: Я и не-Я должны быть одним!

Впрочем, идеализм обосновывается самым достоверным – сознанием. Ибо у каждого человека есть истина, в которой он не сомневается, а кто говорит, что ничего не знает, всё же знает это. Далее заключают, что, следовательно, должна существовать или абсолютная первая истина сама по себе, или бесконечный ряд истин. Если бы существовал бесконечный ряд, мы не могли бы знать ничего достоверного, поскольку мы не могли бы пройти его, и у нас не было бы точки опоры (Haltungspunkt). Если же это не так, то истина, не могущая быть обоснованной и доказанной (ибо она первая), должна быть основанием всех прочих истин. В обыденном сознании мы не доходим до этого, потому что при наивысшей абстракции мы достигаем двух противоположностей – субъекта и объекта. Одна обусловлена другой, и мы полагаем одну, лишь полагая другую. Если же я отрицаю одну, то отрицаю и другую, без познания нет бытия. Полагание одного различного делает другое безразличным относительно положенного. Так, когда я созерцаю своё Я, я одновременно являюсь и представленным, и представляющим; чистым разумом, снова разделяющимся в рефлексии на объект и субъект.

Шеллинг, видящий во всех этих системах одну и ту же единственную философию, где Первое, однако, представлено то в образе познания, то в образе бытия, – пытается теперь отыскать центральный пункт всех этих систем и с помощью изложения устранить кажимое противоречие между идеализмом и реализмом. Он не только конструирует это единство, но и сводит его к всеобщности. Бытие и познание прослеживаются от точки безразличия вплоть до их единичных моментов. Абсолютное раскрывается в том, что является делом философии.

Час десятый

Существует три рода познания:

1. Философский – познающий во всём тождество и абсолютное бытие,

2. Априорный – на ступень ниже, чем первый (он может также называться «учёным»), – возникает под воздействием закона причинности и основывается на абстрагировании от определённых предметов, сводимых под одно общее понятие,

3. Апостериорный – имеет место в обыденном человеческом рассудке и является созерцанием единичного.

Все эти роды познания сами по себе едины и всегда обладают лишь одним предметом – взглядом на Абсолютное. Конечно, сперва должны быть познаны его явление, действия и внешняя сторона. Обыденный рассудок замечает необходимость мыслить предметы такими, какими они ему кажутся, но не замечает того, как он принуждается так мыслить. Значит, с его точки зрения ему должно быть легко показать противоречия у всякого великого мыслителя – Фихте, Канта и т. д.

Кто не способен разорвать эти путы и возвыситься до интеллектуального созерцания, тот, должно быть, чувствует себя как рыба на суше или птица в безвоздушном пространстве. Он не создан для спекуляции, как и тот, кто всё время вопрошает лишь о практическом её применении. Философия может рассматриваться как нечто субъективное и как нечто объективное. Первое как философствование обо всём, что происходит, следует несомненно предпочесть второму – обладанию рядом положений. Ещё некоторые замечания о философствовании и т. д.

Часть 2

Разъяснения к «Изложению моей системы философии» (1801)

§ 1⁸. Если истины существуют, то должна существовать абсолютная первая и безусловная истина. Именно поскольку она такова, она не может доказываться, т.к. доказательство всегда является ссылкой на высшую истину, и если она не существует, то и всё выведенное ложно. Первое Абсолютное не может быть ничем противоположен-

⁸ Нумерация параграфов дана по «Изложению моей системы философии» – Прим. перев.

ным, это было бы противоречием. В нашем обыденном сознании же субъект и объект, или бытие и познание всегда противостоят друг другу, и они суть то высшее, к которому мы приходим с помощью абстракции. Если положено одно, то тем самым необходимо положено и другое; если снято одно, то снято и другое. Хотя в абстракции одно из них и может отрицаться, но отрицанию предшествует полагание, и при существовании исключённого абсолютное тождество не возникает.

Так как существование Абсолютного необходимо востребуется, а бытие и познание неразрывно связаны друг с другом, должен существовать пункт безразличия этих различий, который, как центральная точка эллипса, соотносится с двумя его полюсами. Идеальность и реальность совпадают в этой точке абсолютного тождества. Поскольку бытие и познание в нём едины, оно является единством. Поскольку кроме бытия и познания ничего не существует, оно является всеобщностью. Кто овладел этим понятием, стоит на высшей или единственной философской позиции. Дело с абсолютным тождеством обстоит так же, как с пространством в геометрии. Геометр востребует его для конструирования любой формы. Полагая свой принцип – линию, – он необходимо предполагает пространство как Абсолютное или его репрезентацию. Так как пространство первично, оно не может быть определено, а лишь постигнуто с помощью интеллектуального созерцания. Кто не может достичь интеллектуального созерцания, тому закрыт доступ ко всякому философствованию. Путь к нему таков: какой-либо внешний предмет мыслится как объект. Если на месте этого объекта полагается собственное Я (или мышление), то оно будет субъектом и объектом одновременно. Теперь должна быть уничтожена индивидуальность. Бытие и познание в их единстве должны быть помыслены сами по себе и абстрагированы от помысливания. Это то, что Шеллинг называет абсолютным разумом (название лишь для обозначения идеи). Хотя абсолютный разум не является абсолютным тождеством, но он соотносится с ним так же, как пространство. Абсолютное тождество лишено формы или, скорее, всякая форма есть оно само, а пространство и время суть лишь в нём.

Абсолютный разум следует не только однажды постичь. Он должен постоянно присутствовать в уме философа. Философ должен смотреть и реконструировать единство во всеобщности и всеобщность во единстве лишь сквозь его призму.

Обыденный рассудок видит на всё только в условиях времени и определённых форм. Перед философским рассудком, сквозь призму бесцветной разумности не видящим ничего конечного, и видящим во всём лишь один и тот же предмет, эти формы распадаются.

§ 2. Если нечто находится вне разума, то оно или явлено или не явлено разуму, т.е. или разум созерцает его, или оно существует как тело для других тел. В первом случае разум становится субъектом, а значит, распадается в противоположность. Во втором же разум становится объектом, а, значит, чем-то индивидуальным, единичным. И то, и другое противоречит абсолютному разуму, который является абсолютным безразличием между субъективностью и объективностью.

В первом случае существует рефлексия или сознание. Сознание основывается именно на обособленности от целостности и существует только при том, что нечто вырывается из целостности и противопоставляется ей. Оно – фиксация единичного, эмпирическое созерцание, часто неисторжимо укоренённое в привычке. Для этих людей ничего абсолютного и бесконечного не существует. Не в состоянии они и овладеть пространством в интеллектуальном созерцании. Пространство возникает для них лишь тогда, когда оно отражается положенным телом. Поскольку всё для них будет происходить только во времени и в явлении, родина философии должна навсегда остаться для них чужой. Ненамного дальше заходят и другие, утверждая тождество, состоящее лишь в урезанной объективности, как, например, рейнгольдовский чистый разум есть ничто иное как разум, заезженный во всех логиках. Это лишь яйность, противопоставляющая себя целостности и абстрагирующаяся от неё. Целостность тем самым не уничтожается, это – лишь скрытое противопоставление, т.к. материя ведь существует вне этого интеллектуального тождества. (Сверх того целостность основывается только на негации, которой должна предшествовать позиция, а значит, Рейнгольд присутствует среди упомянутых людей)⁹. Только абсолютное тождество охватывает всё, а вне его нет ничего. Всякая философия должна основываться на нём, а все другие философии не ложны, а вообще не являются философиями. Абсолютный разум есть не столько принцип, сколько основание и почва всякого философствования. Давно уже вёлся поиск положения,

⁹ Т. е. для тех, для которых нет ничего абсолютного, бесконечного – *Прим. издат.*

которое словно содержало бы все истины в распределённом и упорядоченном виде (*eingeschachtelt*); а значит, чтобы получить объяснения обо всём, это положение можно было бы лишь аналитически разделять. Вероятно, только это может быть философским камнем.

§ 3. Если утверждается единство и тождественность разума, то этим говорится, что разум таков по своей идее и своему бытию. Ибо если я сформировал для себя понятие растения, то истина бытия при этом в расчёт не принимается. Этому понятию может соответствовать бесконечное множество растений, но об этом множестве ничего не сказано. Так обстоит дело и с понятием человека, в котором ничего не говорится об экзистенции как об имеющей основание в чём-то совсем другом, а именно, в причинном ряде.

Однако если я принимаю в разуме единство сообразно с идеей, то этим в то же время полагается и единство бытия. Единство в разуме, поскольку кроме разума ничего нет, а единство бытия – поскольку вне разума ничего нет. Конечно, идеализм подлинно спекулятивен, когда вместо абсолютного разума он полагает своё Я, так как они суть одно и то же.

§ 4. Положение $A=A$ полагает абсолютное безразличие (*Indifferenz*), а не экзистенцию обоих факторов. Только это положение $A=A$ не обусловлено так, как другие законы. Все последние подчинены условиям конечности. Например, закон причинности – высший закон рефлексии – подчиняется условиям времени, так как я должен проходить бесконечный ряд причин и следствий. Вечна только истина $A=A$, т. е. вечна она не в том смысле, в каком обычно воспринимают вечность – нечто, начало и конец которого мы не можем помыслить. Это – вечность рефлексии, подчинённая времени. Указываемая же Шеллингом вечность всегда сопряжена с Абсолютным и, как всякий его атрибут, сама по себе бесконечна. Значит, всякое время существует лишь в Абсолютном, а сами начало и конец (раньше-бытие и позже-бытие как множественность) лишь относительны.

Кант принимал два вида познания: синтетический и аналитический. Аналитический как таковой, поскольку разум должен только проявлять признаки вещи. Синтетический же, поскольку разум прибавляет к наличному второе, третье и четвёртое – всё, что требуется для заполнения сферы, – и подводит их под одно понятие. Но эти познания не могут быть различными, в то время как оба вида познания происходят из положения $A=A$ и завершаются в нём, а значит, совпадают. В том числе поэтому у философов был вопрос, какой из этих

методов следует применять. Ссылались на геометрию: Кант утверждал, что она синтетическая, его противники – что аналитическая; обе стороны заблуждались.

§ 6 и § 7. Положение $A=A$ вовсе не восходит к существованию положенных факторов. Если бы мы хотели предугадать, что один фактор может обозначать субъекта, а другой – объект, то вопрос о том, существуют ли они, оставался бы открытым, а утверждалось бы только их тождество. Устанавливается оно без всякого побочного взгляда. Субъект=объект лишь с другой стороны. Значит, это положение не зависит ни от каких условий, оно не знает ни времени, ни границы. Любое другое положение включает противоположность, здесь уничтоженную. Положение $A=A$ как основоположение всякого познания и проявление сущности разума необходимо посредством самого себя. Оно истинно только посредством себя и для себя, недоказуемо, постижимо лишь интеллектуальным созерцанием и единственно очевидно.

§ 8. основывается на предшествующем.

§ 9. Это единство – не только единство понятия, например, понятия треугольника или растения. Единство возникает в понятии лишь постольку, поскольку это понятие является всеобщим, то есть может повторяться в неопределённом ряду подчинённых вещей. Единство возникает лишь в противоположности единичного, которая ничего не определяет относительно бытия предметов, ибо последнее зависит от законов, подчинённых времени. Если же я говорю, что разум тождественен сообразно идее, то я утверждаю это и о его сущности. Так как его сущность и его бытие не различны и, согласно положению $A=A$, различными быть не могут, разум тождественен и онтологически (*dem Sein nach*).

§ 10. Под бесконечностью Шеллинг понимает не то, что обычно подразумевают под ней. Он не считает таковой ту количественную бесконечность, которая возникает при нагромождении конечного на конечное. Бесконечность не проистекает из сложения, так как если я прерываю постоянно возрастающий ряд, то тем самым делаю его конечным; если же не прерываю, то бесконечность невозможна, ибо я должен постоянно дальше и дальше продолжать её во времени. Бесконечность понятия, или логическая бесконечность, существует лишь идеально, а не онтологически, потому что всякое родовое понятие в онтологическом аспекте находится в отношении к особенному. С абсолютной бесконечностью дело обстоит не так. Она положена

тождеством и в тождестве, и может лишь интеллектуально созерцаться.

§ 11. Этот закон строго соблюдается и в идеализме. В первом положении наукоучения Абсолютное полагается в тезисе, во втором – в антитезисе, в третьем – в синтезе.

Всякая двойственность возникает посредством акта знания и сознания, – уже обусловленного и могущего произвести лишь обусловленные познания.

§ 12. Абсолютное тождество никогда не может быть снято, всякое разделение – лишь иллюзия. Если субъект и объект выступают и в отрефлексированном познании, то это – не обособление для всеобщности. Она остаётся абсолютно тождественной себе и существует только для единичного, противопоставляющего себе многообразие и различность, которые сами по себе всегда суть единство. То, что это – лишь индивидуальное действие, впоследствии будет показано ещё яснее.

§ 14. опирается на § 10. Если бы нечто, рассмотренное само по себе, было конечным, то основание его бытия было бы или вне Абсолютного, или в нём. Следовательно, в первом случае было бы нечто для себя существующее, ограничивающее Абсолютное в его бесконечности, а значит, снимающее его. Если мы принимаем второе, то конечное должно возникнуть для нас в Абсолютном. Причина возникновения теперь заключалась либо в действии во времени, либо в вечном действии, первоначально и постоянно связанном с сущностью Абсолютного. Действуя во времени, Абсолютное подпало бы под время и законы конечного мира, так как поскольку действие произошло в какой-то момент, я мог бы двигаться далее в соответствии с определённой (Determination) и в соответствии с основанием действия и т. д. – полностью согласно закону причинности.

Но сам закон причинности имеет силу лишь в отношении единичного, существующего среди внешних определений. Если А – следствие, я вопрошаю о причине В; исходя из В – о С, и т. д. К всеобщему бытию он не применяется, так как имеет силу только для явлений в отрефлексированном познании. Следовательно, то, что подчиняется закону причинности, находится в сфере конечного. Если говорилось, что упомянутое действие первоначально связано с Абсолютным и непрерывно (permanent), то это означало не что иное, как: действие не обладает бытием вне Абсолютного. Бытие бесконечно в уже указанном смысле, оно не возникает, не исчезает и не изменяется. Явления

эти существуют только в сознании, в обособлении (единичного лишь для себя), но даже они, как и всё остальное, тем не менее существуют в Абсолютном и происходят лишь из него же, в то время как в рефлексии дух и материя разделяются, и дух становится бесконечным, а материя – конечной. Из истинной бесконечности, которая единственно является абсолютным тождеством, нельзя исключать и конечное. Итак, ясно, что истинная бесконечность не может выступать из самой себя. Вопрос, бывший столь неразрешимым, после перехода [Абсолютного или бесконечного в конечное – *Прим. изд.*] является полностью излишним при доказанности невозможности перехода.

Чтобы объяснить предшествующие параграфы¹⁰ и осветить следующие, Шеллинг добавляет: тождество есть, и может полагаться только способом, выраженным в положении $A=A$. Разуму выдвигается требование уничтожить существующие в сознании противоположности или представить Абсолютное. Очевидно, что если он представляет бытие как тождество, то познание оказывается подчинённым бытию как второй пункт рефлексии. Если же тождеством полагается познание, то превосходство над бытием получает оно. Это приводит к тому, что ни одно, ни другое нельзя полагать как само по себе, и тем более непозволительно исключать из Абсолютного одно из них. Значит, востребуется абсолютное безразличие между объективностью и субъективностью. Тождественное (*das Identische*) должно не быть ни бытием, ни познанием, и одновременно и бытием, и познанием. Этому соответствует положение $A=A$, выражающее экзистенцию, сущность и форму абсолютного тождества и говорящее, что тождество A тождественно тождеству A . Субъект-объект a и субъект-объект A суть одно и то же. Оба они – в том виде, в каком они здесь выражены, – суть в $A-1$ и $A-2$, которые оба суть A . Это – сущность тождества, с которым непосредственно связана экзистенция положения $A=A$. Так, тождество полагает себя и как одно и другое одновременно, и как ни одно, ни другое. Форма его бытия тем самым высказана как экзистентная (ибо экзистенция, согласно Шеллингу, это лишь всеобщее единственное бытие, кроме которого нет никакого бытия, и посредством которого есть всякое другое). В качестве экзистентной форма бытия тождества является абсолютно тождественной, в качестве сущей – предикатом и субъектом. Разумом мы познаём предикат, а

¹⁰ Здесь и далее речь идёт о параграфах «Изложения моей системы философии» (1801), в данном случае о §15–23 – *Прим. издат.*

рефлексией – лишь субъект. Сущность и форма же совершенно сращены и первоначально едины. Так в магнитном теле присутствует одна и та же потенция, действующая, однако, на полюсах по-разному. Свет сам по себе совершенно чист, и только в призме он разделяется на лучи. Так закон тождества становится в рефлексии законом противоречия.

Следующие положения определённы и ясны, подробнее в лекциях они объяснены не были¹¹.

В абсолютном тождестве бытие и познание полагаются единообразно, будучи бесконечными, они совершенно безразличны по своей сущности. Это выражается положением $A=A$ (оба равнозначны). Отсюда явствует, что в то время как высшее качество уничтожено или, лучше сказать, появляется только вместе с актом обособления единичного, речь ни о каком качестве идти не может. Но поскольку сущность и форма Абсолютного первоначально и неразделимо связаны, постольку положение $A=A$ является законом и для формы. Этим устанавливается, что само по себе Абсолютное неразлично едино и лишено формы, но является при этом содержанием всякой формы. Значит, если одно a , как и другое, обозначает субъект-объект или бытие и познание, то и в этом нет ничего различного, а только абсолютно тождественное. Объект и субъект нерасторжимо положены здесь в одном пункте, они положены как вообще не существующие в качестве двойственности. Следовательно, и тут количественное различие является чем-то совсем чуждым и ничтожным. Если же, однако, мы оставляем позицию разума и производим рефлексию (как это происходит, будет объяснено впоследствии), то, при фиксации единичного, сравнении его с другим единичным, и, далее, при преимущественном полагании бытия или познания, возникает количественное различие. Здесь всегда существуют тезис, антитезис и синтез, выступающие отдельно лишь в области конечного. В нашем положении $A=A$ тезис с высшей точки зрения разума есть тезис Абсолютного, а анализ и синтез наличествуют в акте рефлексии.

Отсюда может пролиться свет на понимание идеализма. Его тезис: Я и само по себе как безразличие субъективного и объективного суть Абсолютное. Так как идеализм, однако, исходит в своих положениях следствия из Я как высшей точки опоры и проходит обратный

¹¹ Речь идёт о § 24 и дальнейших параграфах «Изложения моей системы философии» – *Прим. издат.*

бесконечный ряд посредством себя самого и в себе самом, он распадается на антитезис и синтез, имеющие место лишь во времени.

Согласно Шеллингу, тождество это одно-единственное единство, в котором состоят всё бытие и всякая форма. Его анализ происходит только в конечном мире, дело обстоит, как в математике. Пространство в математике может рассматриваться как Абсолютное; единичное бытие и, вместе с ним, форма возникают лишь посредством обособления и ограничения. Так, линия – принцип геометрии, – есть ничто иное как лимитация.

Сущность всякого единичного – лишь Абсолютное, – одно и то же самое, лежащее в основе всех явлений. Его атрибуты – продукты обособления. Так, например, мыслима лишь идея треугольника. В действительности же каждый треугольник определённо равнобедренный, неравноугольный, тупоугольный или остроугольный, что чуждо идее.

На этом основываются все способы рассмотрения вещей в рефлексии.

Абсолютное является основанием и причиной всего, что есть. Оно есть во всём и познаёт само себя, разрушая количественное различие, не существующее в нём самом (т. е. в целостности). Из упомянутого выше следует, что идеальности и реальности самих по себе не существует, и они не растекаются [или «не соединяются» – *Прим. издат.*] из неразделимого единства. Ограниченному рассудку кажется, что они выступают поодиночке, что, однако, не так, поскольку перед рассудком оба, – идеальность с бесконечным сжатием и реальность с бесконечным расширением, – всегда предстают одновременно, и одна из них преобладает. Настолько далеко заводит рефлексия, непрямым образом доказывая Абсолютное.

36. Мы можем исследовать единичные вещи столько, сколько хотим, но так мы никогда не достигнем Абсолютного. Мы идём от явления к явлению и никогда не приходим к их сущности, так как сущность Абсолютного – лишь бытие, а не действие. Но действие – основание всякого единичного бытия. Абсолютное не действует и не изменяется. Любое же изменение, являющееся нам как таковое, есть только бытие Абсолютного, необходимо полагаемое вместе с изменением и его посредством. Смотри, например: идёт дождь. Это – не изменение в универсуме. Если бы являющееся нам изменение не произошло, универсум изменился бы (перестал существовать). Итак, мы видим лишь следствия в рефлексии. Закон причинности имеет силу

только для рефлексии и ничего не говорит о сущности. Если мы фиксируем что-то объективное и спрашиваем о его причине, то мы будем бесконечно направляться от А к В, С, D, E и т. д. Но это бытие-друг-за-другом (*Nacheinandersein*) полностью отпадает в разуме, здесь оно – равное единобытие.

Вся цепочка единичных вещей и деятельности пребывает в бесконечном бытии. Они пребывают как в этом А первой потенции, так и в А второй потенции или в бесконечном познании, в первом – актуально, во втором – потенциально; сами по себе же, абсолютно – только в А третьей потенции, или в абсолютном тождестве. Троичность эта имеет значение для сущности всякой единичной вещи, поскольку вещь существует лишь посредством троичности. Но А третьей потенции нельзя мыслить как нечто синтетически сконструированное, ибо синтез связывает лишь то, что существует наряду друг с другом. А второй и первой потенции одинаково бесконечны и неразделимы, поэтому безразличны и тождественны. В конечном мире, где выступает различие, оно лишь количественно. Именно поэтому потенция другого является в качестве бытия, а потенция низшего – в качестве познания.

В соответствии с тем, что говорилось ранее, можно было бы сказать, что, сколько бы феномены ни менялись, сама по себе абсолютная субстанция остаётся неизменной. Например, в химии тело может быть проникнуто другим телом. Меняется форма тела, но не его бытие, потому что всякое качество сущности существует лишь как количественное различие, являющееся в целостности количественным безразличием.

45. Под потенцией понимается только абсолютное тождество в количественном различии, выражением которого является $A=B$. Но под А нельзя понимать познание, а под В – бытие, это было бы совершенно невозможное уничтожение абсолютного тождества. Оба атрибута равно присущи А и В, как в первом положении они присущи А и А. А и В по сущности так же неразделимы и безразличны, как $A=A$. Различия самого по себе нет, оно лишь формально. И в единичном, и в целостности форма тождественна, только, именно поскольку единичное существует только в количественных различиях (так же, как Абсолютное – в количественном безразличии), в единичном форма выделяется посредством количества. Преобладание, необходимое, таким образом, для формы бытия всякой потенции, состоит тогда лишь в том, что, например, в А заключается больше идеального, а в

В – реального. Но соотносятся они так только в обособлении, так как само по себе реальное – не реально без идеального, и наоборот; или же познание, *причина*, с равной необходимостью востребует бытия, *основания*, так же, как бытие, *основание*, требует познания, *причины*. Они равнозначно включают друг друга. Разъясняется это линией. Именно из этого явствует и единство систем Спинозы и Фихте, ибо обе соотносятся точно так же, как

$$\frac{A^+ = B \quad A = B^+}{A = A}$$

Шеллинг хотел бы находиться в этом безразличии (Indifferenz), которое можно было бы назвать и священной необходимостью, и в котором божественный и природный принцип пребывают в неразделимом единстве.

54. Абсолютное есть высшая идеальность и реальность в неомрачённой прозрачности. Познание, исходящее из неё, – чистейшее познание, потому что лишь оно – высшее самопознание. Разум видит только то, что есть в нём, но вне его нет ничего. Он познаёт безусловное бытие и количественное безразличие. Сущность абсолютного тождества он видит во всех вещах, поскольку сущностно они едины.

Однако, когда идеальное, вследствие первоначально заключённой в Абсолютном формы, ограничивается в реальном, возникают количественное различие и относительное тождество, посредством двойственности переходящие в относительную целостность. Условием этого является самопознание ограничения (а второй потенции). Это познание есть субсумция – особенное включается во всеобщее. Наконец, третье познание – отрефлектированное, так как ограничение и различие остаются.

Так разнимается механизм разума всякого тела. Всякий вывод основывается на этом. Большая посылка – выдвижение противоположности, меньшая – включение особенного во всеобщее, а заключение – синтез.

Всякая сила основывается на деятельности, которая должна мыслиться как предшествующая силе. Так сила тяжести, сама по себе являющаяся абсолютным тождеством, относится к своему вечному бытию.

Кант, в соответствии с рефлексией, по праву закладывает в строение материи силы притяжения и отталкивания. Но перед разумом эти силы исчезают.

55. Идеальный и реальный принцип неразлично едины как в Абсолютном, так и в сущности любой единичной вещи. Вообще она возникает лишь посредством разъятия организма разума, так как единый и неделимый пункт, сообразно своей форме, развивается в два противоположных. Это может происходить только благодаря тому, что Абсолютное посредством своего вечного замысла быть и познавать, одним фактором ограничивает себя в другом и обеспечивает перевес то одного, то другого. Идеальный принцип своей бесконечной тенденцией стремления вовнутрь полагает количественное различие, сдерживая стремление вовне реального, неограниченного самого по себе. Потенция, вырывающаяся таким образом из всеединства, для Абсолютного никак не существует, поскольку в нём есть только $A=A$. Хотя $A=B$ необходимо выражает это для своей потенции в форме субъективного и объективного, но если бы само субъективное не потенцировало себя выше, его переход из относительной двойственности в относительную целостность никогда бы не осуществился. Без A второй потенции не было бы относительной целостности, ибо только это A видит реальное в единичном, так как абсолютный разум, A третьей потенции, познаёт лишь самого себя в высшей неразличимости. Всё это познание заключено в абсолютном тождестве, поскольку оно, если и было раздвоено в рефлексии, всегда снова реконструируется в субсумции (в себе же оно всегда остаётся одним и тем же). Если теперь A второй потенции противостоит $A=B$ так же, как A и B противостоят друг другу, то на экстенсивной стороне ему открывается бесконечный ряд потенций, осуществляемый лишь тем, что A второй потенции полагает себя в них. Таким путём все они субсумируются в A первой потенции и теряются в $A=A$, или в A третьей потенции. Значит, всякое B потенцируется тем, что A в отношении своего выражения бытия перемещается в B , и будто бы оживляет его тело. Тело всякой вещи есть её бытие, а её душа есть её понятие, которое точно так же само по себе бесконечно, как бытие вещи, но только ограничено в своей индивидуальности. На этом основываются три измерения, потенцированные как A в B , – неорганическое, органическое и интеллигенция.

Значит, весь универсум во всём своём строении может быть показан разумом во всякой единичности.

68. Удельная сила тяжести это преобладающее B в $A=B$. Возникает она лишь благодаря удельной плотности, преобладанию реального. Но эта мощь исчезает, когда два тела единой консистенции падают

одинаково, а все препятствия устраняются. Это показывает, что сила тяжести заключена не в сущности тел, – по сущности все они подобны, – а только в их бытии.

Свет, по Шеллингу, не следует мыслить как свет, данный в опыте. Он есть А второй потенции в отношении к $A=B$. Даже вплоть до сегодняшнего дня физикам не посчастливилось удовлетворительным образом вывести свет. Можно вслед за Ньютоном считать его истечением светящихся тел или, вслед за Эйлером, эфиром в вибрации, но здесь он всегда нечто материальное, не гармонирующее с яркостью. Как объясняется прозрачность тел? Их пористостью? Тогда и само их бытие было бы снято, потому что должны были бы полагаться только поры. Шеллинг рассматривает свет как омрачённый идеальный принцип и делает его причиной материального универсума так же, как силу тяжести – его основанием. Небесные тела с преобладающим в них светом являются нам в свечении, а тела с преобладающей силой тяжести темны. Свет для Шеллинга делает всё органическим, а именно, чем больше нечто выражает А второй потенции, чем больше в нём света, тем выше его органическая ступень. Так, в животном организме глаз более всего исполнен светом, в нём форма более всего торжествует над материей.

95. Абсолютное тождество в противоположность $A=B$ есть свет, и таково оно лишь поскольку $A=B$. Если все единичные $A=B$ были субсумированы, то это $A=B$ должно быть равным А как второй, так и третьей потенции. Тогда А второй потенции может рассматриваться как мир-прообраз, по отношению к которому все вещи материального мира являются лишь слепками. Следовательно, весь ряд существующего в мире-прообразе должен повторяться в материальном мире. Понятие и вещь, царство возможности и царство действительности подобны. $A=A$ может рассматриваться как разложение всеединства: идеальное возгоняется кверху, а реальное осаждается книзу. Но это – лишь омрачённый взгляд рефлексии. Пред разумом текучесть всегда остаётся чистой и тождественной. Всякое единичное таково по своей сущности, форма его обусловлена сцеплением (Kohäsion), а сцепление – актуально положенной силой тяжести. Вследствие этого, всё различие телесного полностью основывается только на сцеплении или метаморфозе, положенной факторами сцепления. Отношение телесного определяет всякую индивидуальность, к уничтожению которой стремится свет. Исходя из этого закона, может и должен быть показан весь ряд субстанций, всё различие тел и величайших

частей мира. В качестве несовершенной попытки наглядно продемонстрировать это может выступить следующая формула, выстроенная по дополнениям.

Nb. Законы индивидуального существования тел, таким образом, намного выше в иерархии мироздания, чем думали химики, особенно французские¹², желавшие представить их в своих теориях. Дело физики – вывести основания химических отношений, а химия – лишь нанизывание фактов.

Исходя из приведённого выше основания, должна быть возможность доказательства четырёх факторов сцепления в свете. Его разложение в призме основывается на более тёмной или более светлой грани. Эти грани дают четыре основных цвета: красный, жёлтый, синий и фиолетовый. Первые два соответствуют восточной и западной полярности, последние – южной и северной. Синий и жёлтый дают зелёный цвет, который, именно как обозначенное, господствует в растительном ряду; другие два – пурпур, совершеннее всего представленный в крови.

Магнитная игла не может оставаться невосприимчивой (*gleichgültig*) к этим цветам, и их влияние ещё должно быть обнаружено эмпирическими разысканиями.

¹² Шеллинг намекает на Л.Б. Гитона де Морво (1737–1816). – *Прим. издат.*

Азот, углерод, водород и кислород были очень метко охарактеризованы Баадером как четыре стороны света: кислород – как восток, водород – как запад, азот – как юг, а углерод – как север. Благодаря увеличению и уменьшению сцепления, на востоке [небесные] тела восходят, на западе же, соответственно, нисходят. Азот находится в полуденной точке в животной сущности (Animalität), и, наконец, углерод – в полуночной точке в растительной сущности (Vegetation). Углерод и азот в активном сцеплении дают металличность, осуществлённую во всех телах и составляющую их весомость. Так, в крови металличность имеется в форме железа, которое, как доказано, не привносится в организм извне, даже с водой. Эта идея гармонирует с ещё более ранней идеей одного американского врача¹³, обозначавшего атмосферный азот как металлические частицы в форме взвеси.

Кислород и водород – первый как негативный, а второй как позитивный – дают воду, действительно гибридную, или гермафродитную, субстанцию. Об отношении этих потенций свидетельствует и опыт: при всякой метаморфозе кислород даёт сцепление. Единичное наблюдение действия кислорода столь же истинно, как его недостаточно высокая полярность для особенной потенции. См. сгорание и так далее.

Вода, будучи всегда только усилением фактора, не может претерпевать транссубстанциацию, а лишь транспотенцирование. Так, посредством гальванизма, или электричества, вода может быстро преобразовываться в газ первого или второго рода, сообразно тому, какой из двух полюсов воздействует на неё. Отсюда следует, что вещества в химии нельзя считать представленными материально: сама по себе субстанция всё время преобразуется, и лишь потенцирована то так, то иначе каким-то из этих агентов.

Поэтому отсюда можно также вывести, что данное в большинстве физических компендиумов определение удельной силы тяжести как зависящей от множества частиц, сконцентрированных в определённом пространстве, ложно. Например, атом железа и целый центнер железа всегда обладают одинаковой удельной силой тяжести. Различается же она лишь в зависимости от достижения некоторой степени когерентности, см. также труды Стеффенса¹⁴.

¹³ Имеется в виду американский учёный С.Л. Митчилл (1764–1831) – *Прим. изд.*

¹⁴ Отсылка к труду Г. Стеффенса «К внутренней природной истории Земли» (1801) – *Прим. изд.*

Дополнение. 5. Гильдебранд¹⁵ возразил: представленный закон, вероятно, позволяет определить количественное различие тел, но не их количество. Эту теорию он считает недостаточной. Ответ Шеллинга: если принимается, что формула деления действует для интенсивной величины тела в отношении определяющих сил (a и b), например $2A: 2R$, то об экстенсивной не сказано ничего.

*Перевод с немецкого
В.В. Золотухина*

¹⁵ Речь идёт о немецком химике Г.Ф. Гильдебранде (1764–1816) – Прим. перев.